

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ: ОТ КОНСТАТАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОБЛЕМ ДО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ

О. М. Фархитдинова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: ofarhetdin@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается новое значение комплексного понятия «современная философия религии». Представлена конфигурация тематической рамки анализа и оценки вопросов теоретической значимости и практической перспективы современной философии религии. Выявлена парадоксальность рафинированных проблем в философии религии, а именно, обобщены варианты способов видения, выраженные в стилевых особенностях каждого авторского подхода. На сегодняшний день актуальными стали сопряжения границ новых научных направлений в рамках философии и теологии. Миграция понятийных структур и формирование новых значений происходит наиболее интенсивно в обозначенных полях гуманитарного знания.

Показано, что в современной философии религии пересечения теологических и философских дискурсов актуализировали профессиональный интерес и дискуссии: о статусе «веры» в индивидуальной перспективе, о многообразии культурных контекстов и способов взаимоотношений между ними; о языковых матрицах беспредпосылочного знания современности. В свою очередь, конкретизации, например, значений и понимания «веры» в контекстах форм знания эпохи, приводят к процессам дифференциации способов познания, как одному из этапов преобразований отраслевого знания.

В исследовании проведен анализ условий, возникших в период изменения парадигмы отраслевого знания в XXI в. Смена парадигмы повлияла на пересмотр соотношения объяснительных и описательных моделей в гуманитарном знании. В результате исследования суммированы противоречия на пути самоопределения современной философии религии, что позволило оценить статус этого способа видения проблем в современной гуманитаристике.

Методология исследования: аналитический инструментарий цифровой религии (в значении: онлайн религии, теория медиатизации религиозных смыслов) сопряжен с методами теоретической концептуализации, анализа.

Теоретические результаты: сформулированы основные принципы при определении специфического исследовательского поля и проблем современной философии религии.

Практическая значимость: в условиях пересмотра значения концепта «человек», его децентрации, изменяются способы репрезентации его возможностей в практиках самопознания и смыслополагания. В современной философии религии способы формулировки проблем позволяют наиболее полно описать эти изменения.

В условиях сложной дифференциации областей исследования, множеств профессиональных специализаций, междисциплинарных методов, выбор любого порядка становится очень субъективным, поэтому целесообразно говорить о специфике решения проблем в современной философии религии и влиянии на этот процесс особенностей национальных мировоззрений.

Ключевые слова: современная философия религии, цифровая религия, индивидуальная религиозность, корпоративная духовность.

Благодарности. Выражаю благодарность научно-исследовательской группе секции религиоведения УрФУ (в лице кандидата философских наук Мельниковой Е. В.), творческой площадке и проекту научно-просветительская Лаборатория «160 ДДД», «Ассоциации национально-культурных объединений Свердловской области» (Мирзоеву Ф. М.) за оказанную помощь и поддержку в исследовании, обсуждении и ценные замечания в ходе работы над статьей.

Для цитирования: Фархитдинова О. М. Современная философия религии: от констатации исследовательских проблем до концептуализации теоретических контекстов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 4. – С. 110–119. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-4-110.

MODERN PHILOSOPHY OF RELIGION: FROM STATEMENT OF RESEARCH PROBLEMS TO CONCEPTUALIZATION OF THEORETICAL CONTEXTS

O. M. Farkhitdinova

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

e-mail: ofarkhetdin@mail.ru

Abstract. The article suggests a new meaning of the complex concept of «modern philosophy of religion». The configuration of the thematic framework for the analysis and evaluation of issues of theoretical significance and practical perspectives of the modern philosophy of religion is presented. The paradoxical nature of refined problems in the philosophy of religion is revealed, namely, the variants of the ways of vision expressed in the stylistic features of each author's approach are generalized. Today, the interfacing of the boundaries of new scientific directions within the framework of philosophy and theology has become relevant. The migration of conceptual structures and the formation of new meanings occurs most intensively in the designated fields of humanitarian knowledge.

It is shown that in the modern philosophy of religion, the intersections of theological and philosophical discourses have actualized professional interest and discussions: about the status of «faith» in an individual perspective, about the diversity of cultural contexts and ways of relations between them; about the linguistic matrices of non-referential knowledge of modernity. In turn, the concretization, for example, of the meaning and understanding of «faith» in the context of the forms of knowledge of the epoch, leads to the processes of differentiation of the ways of knowledge, as one of the stages of transformation of branch knowledge.

The study analyzes the conditions that arose during the change in the paradigm of industry knowledge in the XXI century. The paradigm shift has led to a revision of the relationship between explanatory and descriptive models in the humanities. As a result of the study, the contradictions on the way of self-determination of the modern philosophy of religion are summarized, which allowed us to assess the status of this way of seeing problems in modern humanitarianism.

Research methodology: the analytical tools of digital religion (meaning: online religion, the theory of mediatization of religious meanings) are combined with the methods of theoretical conceptualization and analysis.

Theoretical results: the basic principles for determining the specific research field and problems of the modern philosophy of religion are formulated.

Practical significance: in the context of the revision of the meaning of the concept of «people», its decentralization, the ways of representing its capabilities in the practices of self-knowledge and sense-setting are changing. In the modern philosophy of religion, the ways in which problems are formulated make it possible to describe these changes most fully.

In the context of a complex differentiation of research areas, a variety of professional specializations, and interdisciplinary methods, the choice of any order becomes very subjective, so it is advisable to talk about the specifics of solving problems in the modern philosophy of religion and the influence of the peculiarities of national worldviews on this process.

Key words: modern philosophy of religion, digital religion, individual religiosity, corporate spirituality.

Acknowledgements. I would like to express my gratitude to the research group of the UrFU Religious Studies section (represented by Candidate of Philosophy Melnikova E. V.), the creative platform and the project scientific and educational Laboratory «160 DDD», «Association of National and Cultural Associations of the Sverdlovsk region» (Mirzoev F. M.) for their help and support in the research, discussion and valuable comments during the work on the article.

Cite as: Farkhitdinova, O. M. (2021) [Modern philosophy of religion: from the statement of research problems to the conceptualization of theoretical contexts]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 110–119. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-4-110.

Введение

Современная философия религии — комплексное понятие, вобравшее в себя спектр смыслов о результатах и принципах изучения религии во второй половине XX столетия. Теоретическая ценность этого понятия определена уникальным сочетанием способов формулировки основных проблем, вписанных в ее исследовательское поле, набором и архитектурой подходов, а также фокусом внимания

к ним со стороны тех авторов, которые обнаруживают свою идентичность в исследовательском поле философии религии.

Историческая преемственность между прошлым и современным состоянием этой предметной области находит свое выражение в двух отличительных чертах: авторефлексивности философии религии и специфическом признаке философской деятельности — «программе вечного возвраще-

ния» [14, с. 16] в разной степени представленных как у авторов классического периода, так и у современных.

Следует добавить, что формирующейся, но все же отличительной чертой актуального состояния философии религии становятся способы восприятия, представленности и обнаружения смыслов в цифровом пространстве о религии, складывается, так называемый, цифровой след философии религии. Его особенностью является преобладание ценности практической значимости способов формулировки проблем философии религии над ее теоретическими моделями.

Назовем наиболее интересных авторов с точки зрения рецепции и создания новых контекстов для исследовательского поля современной философии религии, к концепциям которых чаще всего обращаются сегодня: Н. Смарт, А. Плантинга, Ч. Талиаферро, У. Л. Крейг, Р. Мейндола, М. Мюррей, М. Рей, Януш Саламон, Г. Х. Б. Пюньер, Р. Суинберн, Дж. Пэттисон, Р. Коллинз, Н. Пайк, Р. Адамс, У. Элстон, Р. Шеффлер, Ф. Коллинз (один из последних ученых-генетиков, получивший премию от Фонда Темпелтона за укрепление и интеллектуальную интеграцию научных и духовных перспектив). В условиях пересмотра контекстуальных перспектив вопроса о сущности религии, интерес представляют работы Л. Фрая (один из идеологов духовного менеджмента) и актуализация философских ракурсов Ричардом Дэвидом Прехтом, немецким философом, максимально расширившим предметное поле современной философии.

В числе наиболее значительных отечественных исследований, подходы, отражающие в той или иной мере проблемы философии религии, таких российских исследователей как: Е. И. Аринин, В. С. Глаголев, А. П. Забияко, Д. В. Пивоваров, Е. А. Степанова, Е. С. Шахнович, В. В. Шмидт, В. К. Шохин и др.

Проблема определения современной философии религии

Предваряя специальное описание и концептуальное понимание современной философии религии, обратимся к вопросу о роли и месте философии в особенности того внимания, которое она оказывала на протяжении всех периодов своего развития религии. Одна из программных точек зрения, высказанная в работе М. Мюллера «От слова к вере», состоит в том, что философия и религия в основе своей граничат постановкой вопроса о самом важном для самоопределения каждой из них, что выходит за пределы обычного опыта: в религии – о священном, в философии – о трансцендентном.

Поэтому, в широком смысле, значение понятия современная философия религии может быть определено как актуальная рефлексия и практический

интерес к вопросам о сущности религии, проявляющиеся в отношении к различным типам рациональностей, а соответственно построениям понятий и представлений о реальности, сформированным на основе современного религиозного (не всегда имеющего отношения к религии) опыта.

Именно вопрос о понимании реальности при изучении религии оказывается пограничным среди множества типов вопросов (о знании), которые транслируются посредством научных открытий той или иной эпохи. Вопрос о дефиниции реальности – один из базовых для философского осмысления, важное место ему принадлежит и в положительном научном знании. Судьба этого вопроса решается в современной науке по-особому: во-первых, различается то, каким образом мы получаем представление о том или ином типе реальности; во-вторых, поиск основания типологий реальности стал камнем преткновения на рубеже веков (XX–XXI вв.) и вывел дискуссии с научных площадок в мир гражданской науки, с ее главным отличительным признаком – повседневности во всей ее ризоматичности.

Для определения понятия «современная философия религии», фиксации значения в специальном профессиональном смысле, необходимо несколько пояснений. Именно, в силу причин, выводящих специальное, в нашем случае, философское знание о религии за пределы университетских дискуссий, хотелось бы подчеркнуть роль нарративов о повседневности религии [2, 5, 12, 13]. Упомянутый конструкт «гражданская наука» ощутимо воспринял в своем разнообразном содержании две базовые философские интенции конца XX века: повышенное внимание к языку [5, 7, 8, 10, 12] и обострение борьбы христианской и секулярной мысли [1, 9, 13, 15]. Это настроение очень четко фиксируется в нарративе «популяризация» философии религии.

Вопрос о границе способов видения проблем постулируется в вариантах постановки вопросов, разрабатываемых в исследовательском поле философии религии относительно других разделов религиознонаучного знания. Часто за пределы философии религии выносятся популярные веяния рубежа столетий, заостряющие внимание на измерительных шкалах и инструментах, пригодных, например, для констатации «чувств» и волеизъявлениях верующего. Увлечение первыми было отдано на откуп социологии религии, вторыми – философии права. Сама же дифференциация внутри философского знания о религии говорит, скорее, о преобладании схоластических версий ее идентичности, по сравнению с теми, что могли бы придать концептуальную целостность ее построениям, или создать некое синтетическое единство. В ситуации популярности количественных исследований, разночтения заявляемых смыслов не рассматриваются как существенные.

Иному настроению в интерпретации теперь уже качественного определения философии религии, как области знания, отвечает дефиниция современного философа религии, отечественного религиоведа Д. В. Пивоварова. Согласно его концепции, философия религии определяется «как идейное ядро академического религиоведения» [11, с. 12]. В соответствии с этим подходом, «религия есть такая форма индивидуального и общественного сознания, которая сакрализует связь человека с Абсолютом» [11, с. 27]. В силу такого понимания предметного поля философии религии ставятся следующие программные вопросы: «существует ли Абсолют? Как можно познать Абсолют? Как следует практически относиться к Абсолюту?» [11, с. 31]. В основу такого прочтения предметного поля философии религии положено ценное философское наблюдение: «для обнаружения тождества и разнообразия формулировок данных фундаментальных проблем человеческого существования наиболее подходит язык богословия и философии...» [11, с. 30].

Противоречия на пути самоопределения современной философии религии

В гуманитарном знании первого десятилетия XXI столетия образ видения проблемы, представленности ее для академического сообщества, преобладает над описанием ее сущности. Так произошло с двумя главными тематическими настроениями XXI века, изучаемыми силами философов религии: возможности обоснования рациональности религиозных убеждений и спектра доказательств относительно главной понятийной конструкции во всех типах дискуссий современности – «Бога», «Абсолюта». Следует отметить дополнительно, речь идет не о персонализированном Боге как результате возникающих отношений между ним и верующим, а как некой конструкции, необходимости и условия которой следует подвергнуть интерпретации. Условия авторской субъективности, возникающей непосредственно из текста, истолкованного в герменевтическом ключе (в том значении герменевтики, которое ей придавал Ф. Шлейермахер), были отнесены на периферию, а в «круге первом» оказались отнюдь не философы, но те, кто обладает правом «называть», давать вещам и предметам имена.

Два типа интерпретации, выявляемые Ф. Шлейермахером в герменевтике как искусство понимания, когда осознается, что за мысль лежала в основе речи, также были вынесены за пределы востребованного. В этом смысле человек, понимаемый, как место, в котором язык приобретает статус самобытности, становится более важным, нежели те мысли, которые породили эту форму. На этом фоне очень четко проявился вопрос о роли религиозной вовлеченности, либо отстраненности самого автора в процессе философского поиска, так актуальный

сегодня. В современной философии религии это одна из актуальных стратегий, заимствованных из сферы маркетинга, представляющая собой модную нарождающуюся область познавательной активности человека цифрового пространства – Инженерия духовного поиска современного человека.

Для выявления особенностей современных подходов предлагаю проанализировать результаты классического периода философии религии. Достижениями прошлых этапов развития стали следующие.

Во-первых, оформилось несколько подходов к пониманию сущности и основных вопросов этого раздела философского знания. По мнению В. К. Шохина, своего рода первооткрывателем философии религии, о котором редко встретишь упоминание, был З. фон Шторхенау (1731–1798) [14, с. 19]. В его работе «Философия религии», выпущенной впервые в 1772 году, главной задачей философии религии была апологетическая, «устранение взаимных претензий философии и религии» [14, с. 19]. Обзор, предлагаемый в статье В. К. Шохина, именуемый как «уровни авторефлексии» философии религии [14, с. 36], дает очень полное описание того, как могло происходить становление требуемой сегодня философско-религиозной рефлексии.

Исследовательский интерес представляет идея автора обзора о внутренней интенции философии религии на начальном этапе своего самоопределения к дифференциации: от механического «синтеза» истинной философии и истинной религии (свойственного для работ З. фон Шторхенау, Ф. Парадю Фанжас), через этап ресурсного понимания философии в отношении реформирования религии (здесь преобладает умонастроение построить философскую «религию разума»), до философского учения о религии в концепции И. Канта, наиболее полно представленной в работе «Религия в пределах только разума».

В определенном смысле самостоятельность философии религии как области знания начинается заявляться в исследованиях Н. М. Боголюбова. Известный российский исследователь религии, богослов, Боголюбов Николай Михайлович в первой части своей работы «Философия религии» последовательно обосновывает необходимость называть ее именно философией религии, а не наукой о религии. Самый сильный аргумент состоит в том, что самостоятельность науки, осознанная в отношении религии достаточно поздно, подразумевает и положительный эффект от ее применения к анализу этого явления, а именно религии. Это не всегда будет удовлетворять условиям положительности философии как науки, а именно таким ее существенным признакам как измеримость, ясность, объяснимость, доказуемость [3]. Философия же, если только не изменяет себе, не может быть исключительно

положительной дисциплиной. Возможно, это одна из наиболее удачных попыток обоснования ответа на вопрос: что же значит сделать религию предметом философского познания? – также очень точно сформулированного Боголюбовым [3, с. 28].

Обратим внимание на небольшой фрагмент данной работы, позволяющий нам осмыслить специфику умонастроений той эпохи и противопоставить ее сюжетность нашему времени. В нем автор ставит вопрос о следствиях достижений (положительной) науки: «Что представляет собой человечество, которое начинают оберегать вместо провидения страховые общества?» [3, с. 12]. В этих условиях, для активного разума (рационального начала) человеческая личность есть лишь мнимая величина, которой можно пренебречь. Так, вопрос о соотношении науки и религии в их важнейших точках пересечения: предметности, языке, методологии – проявился как некий индикатор значения и состоятельности заявлений со стороны философии как положительного знания о религии.

В целом, до идей развитых в учении Г. Фихте, философия религии имела в некотором смысле инструментальное значение для идентификации религии в поле зрения философской рефлексии. Для ряда иных регионов становления философского осмысления религии происходило с преобладающим влиянием теологических взглядов, а также вариациями борьбы таковых, против нарождающегося научного мировоззрения. Например, пиетизм в Германии XVII столетия. Речь, например, может идти о призывах, озвученных в программном произведении основателя этого духовно-религиозного движения Филиппа Якоба Шпенера «*Pia Desideria*» (1675), в которых утверждался приоритет практики христианской жизни перед декларированием христианских догматов.

В учении Г. Фихте, философия религии стала предметом специальной методологической реконструкции, с указанием на приоритетность разума, и с «понятиями о понятиях, функционирующими в религиозном сознании» [14, с. 37]. Заявленный вариант философии религии Г. Фихте находился в таком тесном соприкосновении с территорией религиозного и апологетического мировоззрения, что даже сегодня этот концептуальный момент позволяет рассматривать учение Г. Фихте о религии пригодным для обоснования предельной перспективы философии религии как эсхатологической по существу и делает возможным преобладание академических настроений в понимании ее значения как философии христианской жизни.

Пересмотр ценности внимания к основным проблемным вопросам стал наиболее популярным именно в современной философии религии. Указанное интеллектуальное действие имеет политический характер, выдает в имеющихся вариантах

современной философии религии «трепетное» желание избежать принадлежности к игровому полю академических сообществ. Однако смею высказать суждение, что это одна из нескольких границ, позволяющих определить философию религии в современном мире. Ее территория обширна, исходя из трех соображений: по разделению значений, роли и сущности религии. Три разноуровневые ситуации возникают из этого: споры о ценности воспринятых парадигм относительно религии; споры о действительности производимого религиозного и иного типа опыта; споры о природе (происхождении) интенции философии религии.

В этой связи несколько слов необходимо сказать о своего рода идеологическом противнике Г. Фихте. Таковым был Э. Ренан. Его критические высказывания были направлены против теорий, в которых ставилась цель пересмотра исследовательской ценности исторической преемственности как существенного признака значимых для современности явлений. Например, такой участи удостоилось представление о нации, религиозная составляющая которой относится к числу базовых отличительных черт. В одном из своих выступлений Э. Ренан говорил о специфике поколенной памяти: «забвение является одним из главных факторов создания нации». Речь идет о нации, как современной понятийной конструкции, важность которой для рода человеческого заявляется здесь и сейчас, в специфическом настоящем, именно нации стоит помнить общую славу и общее сожаление. Траур и скорбь консолидирует сильнее, чем успех. В то время как появление термина религиозные идентичности привело к дифференциации представлений о духовности и душевности человека, породив универсализм в деле определения чувств на коллективном уровне и разграничение типов верующих по интенсивности и степени участия/дистанцирования в/от религиозной жизни. Однако исследовательские находки Э. Ренана разделили судьбу исследовательских прозрений М. Хальбвакса. Именно этому моменту стоит уделить внимание, так как в нем обнаруживают себя те исторические коллизии, которые привели к региональным философиям и философии родительного падежа.

Зададимся вопросами, проистекающими из такого видения исследовательского поля философии религии. Что в действительности объединяет людей, если они различны культурно, национально, этнически, религиозно? Способны ли религиозные переживания консолидировать общество? Имеется ли в символическом контексте вероучения потенциал для объединения людей в их стремлениях к духовной жизни? Создают ли подобные устремления, настроения и поиски единое исследовательское поле, способное порождать такие способы описания и актуализации религии, которые вписываются

в современное общее видение картины мира? События, благодаря которым появляется возможность видеть необходимое и преходящее для действий человека, именуемых как религиозные. Это, лишь, часть вопросов, подводящая нас к пониманию того, почему возникают споры между столь близкими и столь в итоге различными способами видения и представленности религии в культуре.

Итак, «философии родительного падежа», по утверждению и в терминологии Шохина, предметность которых не задается самой философией, продолжают на сегодня формирование спектра академических дисциплин о религии. Философии такого разнообразия препятствуют лишь одному – философии как таковой. Поэтому сложно сказать о состоятельности философии религии в период взаимодействия внешних по отношению к ее идейному источнику (имеются в виду идеи Фихте) веяний и направлений. Иной точки зрения придерживается группа авторов (например, И. П. Давыдов), утверждающая, что философия религии в такой терминологической близости к теологическим и богословским способам постановки вопросов выходит за свои рамки и перестает быть искомой философией религии. Изложение естественной теологии и философского теизма при помощи рационалистических установок не делает из них философии религии.

Несколько в стороне от основных дискуссий о проблемном разнообразии философии религии находится восточная философия. Из ее недр в начале XXI века было воспринято, а позднее предложено несколько программных направлений для дальнейшего развития философии религии как науки о религии с теологической лексикой. О восточных религиях и о возможности говорить о становлении некоторого единого проблемного поля для формирования философии религии имеет смысл рассуждать, опираясь на феноменологический, в большей степени авторский подход М. Элиаде. Только в его, преимущественно рефлексивной работе «История веры и религиозных идей» есть возможность заострить внимание на ресурсном соотношении религии и философии различных периодов, и XVIII столетия, в частности, важного для понимания преобразований внутри философии религии в более поздний период.

Институционализация как способ концептуализации теоретических контекстов современной философии религии

Институциональный статус философии религии требует к себе особого исследовательского внимания. В университетах, названия которых будут перечислены ниже, сам курс «Философии религии» рассматривается как предельно специальный, отвечающий на запросы времени и имеющий очень четкое обоснование в том, как формировать взаимо-

действие разных по качеству сообществ: верующих, общественных деятелей, ученых. Интересы этих сообществ пересекаются чаще всего относительно определения сущности религии для современного мира. В зарубежном университетском образовании, так же, как и в международной академической среде, существует большое разнообразие курсов по философии религии – дисциплине, основная задача которой дать возможность вести речь о целостной картине мира, центральным элементом которой выступает религия.

В самом широком смысле это возможно суммировать следующим образом: содержание дисциплины определяется группой вопросов о том, что очень чувствительно к происходящему в нашем мире, о том, как формируются и трансформируются убеждения людей о разных типах реальности. Именно так, в XXI веке возможно определить границу между заявленным проблемным полем классической и современной философии религии.

Университетские дебаты второй половины прошлого столетия определили еще один важный сектор внимания, а именно поле дискуссий о религиозном языке. Так, в Британии философия религии была сосредоточена на вопросе о способах понять язык, который мог бы «помочь оправдать тезис, что суждения о Боге имеют смысл» согласно той или иной парадигме смыслообразования [12, с. 209].

Возвращение к университетским концепциям прошлых периодов, в особенности концепции Ф. Шлейермахера, включавшей серьезную рефлексию о месте богословия в университетской жизни того периода, полезно для полноценной рефлексии о современном состоянии философии религии, исходя из двух предположений: во-первых, в большинстве европейских государств привилегия одной конкретной деноминации утверждалась на основе поддержки образовательного стандарта с ее участием со стороны государства; во-вторых, глубина происходивших дебатов о природе взаимоотношений церкви и государства была детально осмыслена и достойна напоминания о себе, в качестве конструктивного примера в условиях нового витка дискуссий о специфике образования и повествования о религии в образовательных организациях.

Вспомним, что утверждаемое Ф. Шлейермахером отношение к поиску знания в университетах исключало вмешательство государства, так как сам поиск был связан со стремлением, прежде всего, понять себя. Свобода, необходимая в этом случае для действий и размышлений человека, не могла быть регламентирована никакими нормативными актами и организационными структурами. Наилучшим образом природа университета как «научной» институции была отражена в высказывании Вильгельма фон Гумбольдта: «Концепция высших научных институций как саммита, где сводится воедино

все, что происходит в духовной жизни нации, определяется тем, приспособлены ли эти институты для научной работы...» [12, с. 331].

Университетский дискурс о философии религии в современности может быть дополнен современным международным институциональным контекстом. Так, в Оксфордском центре индуистских исследований (год основания 1997) ведется масштабная работа в целом, по изучению индуистской культуры, философии религии и древних языков Индии, нацеленная на вовлечение индуистских традиций в диалог с современным научным сообществом. Основатель и директор центра – Шаунака Риши Даса. Кембриджский университет, среди мэтров которого большое количество известных ученых и общественных деятелей, знаменит в том числе «школой ритуальных исследований». Назову лишь одну из значительных фигур – Ф. М. Корнфорд.

Чикагский, Нью-Йоркский, Брауновский, Массачусетский, Принстонский, Колумбийский, Нотрдамский и Яггелонский, Стэнфордский университеты – все названные высшие учебные заведения являются практико-ориентированными и полицентричными, на сегодняшний день, по дисциплинарному духу. Гуманитарные исследования соседствуют с очень перспективными в наше время исследовательскими коллективами и лабораториями, работающими в области химии, биологии, медицины.

Лексические единицы, свойственные словарю, например, медицинских наук, совершенно свободно заимствуются гуманитарными. В результате, проблемы биоэтики или гуманитарной экспертизы научных открытий утратили свой уникальный язык описания. В нем обнаруживаются многочисленные заимствования и термины-адаптанты (*авт.*), свидетельствующие в том числе об интересных процессах интеграции научных и духовных перспектив. Как заметил Б. Рассел в своем авторском изложении «Истории западной философии»: отмечаемые изменения в значениях слов очень поучительны для эпохи и народа. Например, первоначально (до учения Пифагора) орфическое слово «теория» истолковывалось как «страстное и сочувственное созерцание», сегодня это термин скорее фундаментального и положительного знания с четким объемом значений: теория, в своем специальном значении – самая развитая форма организации научного знания. Следует подчеркнуть, что речь идет в том числе о развивающемся научном знании. По своему строению теория предполагает в числе прочих составляющих характеристику логической зависимости одних элементов от других. Сделаю предположение, что термины-адаптанты (*авт.*) сегодня сигнализируют нам об изменении словаря отраслевой науки.

Мульти и межконфессионализм подчеркивается в исследованиях, ориентированных на описа-

ние опыта необычного, странного, мистического и эзотерического, что, в свою очередь, продолжает смену парадигмы и приоритетов в университетском образовании относительно представленности в их образовательных трэках вопроса о сущности религии для современного общества и человека. Попытки вернуть или пересмотреть имеющийся опыт взаимоотношений и заинтересованности между господствующей конфессией и государством в европейских обществах – одна из сложных тем, высвечивающих на данном этапе систему властных отношений в таких философских средах, как: язык, деятельность, сознание.

Не претендуя на полноту списка, назовем, суммируя, наиболее важные институты, определяющие современное исследовательское поле философии религии: Университет Нотр Дам (США), Центр философии религии; отдел философии и религии Фонда Джона Темплтона; Тюбингенский университет; Йенский университет. Среди названных влиятельным является отдел философии и религии Фонда Джона Темплтона. Стратегически направления его деятельности и поддержки таковы, что позволяют сделать вывод о пересмотре баланса теоретической и практической части философии религии, с неизменным преобладанием второй. Например, приоритетными направлениями финансирования (до 2023 г.), со стороны Фонда Джона Темплтона, стали такие, которые нацелены на изучение: динамики религиозных изменений, религиозного познания, актуализации религиозных убеждений в современном мире, в том числе под влиянием практик, ранее (в классическом периоде развития философии религии) не входивших в ее исследовательское поле. Я имею в виду влияние духовных и религиозных практик на наше здоровье. Особый сегмент принадлежит теме «Религия и духовность», на фоне которой аккумулируются многие тематические области, фиксирующие изменения роли и сущности религии для современного человека и общества в целом.

Особого внимания заслуживает Гейдельбергский университет, как площадка широкого междисциплинарного взаимодействия и методологического синкретизма, объединявшая египтологов (востоковедов, в целом) и культурологов (например, Ян и Алейда Ассман). Одно из приоритетных на сегодняшний день направлений исследований «Теория культурной памяти» родилось как следствие семинара в Гейдельберге: культурология в тот период была одним из важных инструментов прежнего исследовательского мира. Сегодня это целое направление, именуемое *memory studies*, в основных характеристиках которого значительная функциональная роль принадлежит религиоведческой подготовке исследователя, и конечно его вовлеченности в комплекс религиозных взглядов.

Эколь Нормаль, так называемая высшая нормальная школа в Париже, знаменита, прежде всего, философским факультетом, выходцами из которого в недавнем прошлом были Э. Дюркгейм, Ж.-П. Сартр, М. Фуко и Ж. Деррида, а также набором таких дискуссий, которые были инициированы междисциплинарными проектами с революционными настроениями.

Страсбургский университет входит в Утрехтскую сеть и Лигу исследовательских университетов Европы. Область специализации – социальные и гуманитарные науки, которые сопряжены с рядом фундаментальных направлений в области биологии, физики, медицины и химии.

Коллеж де Франс – знаменитое и свободное в выборе исследовательских стратегий и приоритетов учебное заведение Франции, старейшее и в полной мере отвечающее масштабному исследовательскому потенциалу Франции. Исследования по коллективной психологии берут свое начало именно из этого учебного заведения. Своего рода значительным итогом современного периода стала комплексная, по своему содержанию, работа «Коллективная память» М. Хальбвакса. Интеллектуальный горизонт Хальбвакса – это коллективная психология, благодаря усилиям которого появляются такие новые слова, как, например, «общественное мнение». Сегодня это, в том числе, публичность личной жизни и духовной практики. Публичными становятся не только те коммуникативные события, которые формируют люди сами, но и то, что человек не рассматривает как доступное для публичной сферы.

Публичность личных убеждений, их маркирование и выражение при помощи языка отраслевой науки – одна из проблем, которая решается сегодня методами социологии религии и нарождающейся (в новом формате) области коллективного знания – политологии религии. Метод самонаблюдения (интроспекции) сегодня выполняет роль дополнительного ресурса для статистического анализа внешних по отношению к нему границ. Для современного исследователя именно этот метод не доступен по причине уникального сочетания личного и публичного в пространствах с различной онтологией, для которых пока нет единства в языке описания и выражения.

Одно из тематических умонастроений в современной философии религии: соотношение языка описания и представлений о пространстве и времени, особый акцент в котором заимствован из упомянутых выше исследований под зонтичным наименованием *memory studies* и представлен академическим лозунгом: нет воспоминаний, не обусловленных социальными рамками. Из этого общего умонастроения берет начало тезис о том, что прошлое – всегда реконструкция. Следует учесть,

что два знаменитых своими исследованиями ученых М. Хальбвакс и П. Нора способствовали тому, что был пересмотрен ряд фактических установок: о местах памяти, о соотношении памяти и истории. Так, Пьер Нора, по сути, перевернул значение термина «места памяти», в его концепции оно наполнено идеологией и историей. П. Нора действовал с той же настойчивостью в обосновании традиции противостояния истории и памяти. По его мнению, память формирует идентичность, в то время как история – холодная наука. У Нора интерес был сформирован желанием объяснить: откуда у общества берется желание помнить о чем-либо и запечатлеть свою память в объекте.

Заключение

Завершая это небольшое изложение полученных результатов, позволю себе констатировать важное для понимания самоопределения современной философии религии утверждение: «воображаемые сообщества» (в терминологии, предложенной Б. Андерсоном в одноименной работе) уникальным образом развеивают миф о воображаемости воображаемого, заявляя о «важной способности языка генерировать воображаемые сообщества, выстраивая партикулярные солидарности» [1, с. 224], как следствие формируется цифровое «гиперверие» [6, с. 12].

В этом случае выбор языка изложения при освещении вопросов о сущности религии важная часть современной авторефлексии философии религии. Нарратив о религии, присутствующий в обществе на разных уровнях организации этой рефлексии (государство, общество, семья), способен выявить влияния, определить точки притяжения. О таком интегрированном положении религии начинают говорить все чаще, решая две задачи: оценить степень религиозного влияния на трудовую деятельность человека (так называемая «духовность на рабочем месте») и проанализировать формы трудовой этики в странах с различным контекстом [16]. В то же время именно язык изложения для философии религии стал камнем преткновения. Специфика указанных ранее тематизаций внутри философии религии привела к тому, что чувствительность к религиозной лексике, богословской терминологии, теологическим способам изложения проблем в философии религии очень высока. По этой причине сложилось два основных лагеря: те, кто за перевод на философский язык многочисленных теологических понятий; и те, кто в этом действии условий успешности познания религии не видит. Вслед за сторонниками первого подхода, следует отметить, что важные воспитательные, образовательные и иные средства предполагают разнообразие приемов: например, обращение к игре, иронии при обсуждении вопросов о религии. Для теологической и религи-

озной лексики, так же, как и образовательных проектов – это новшество, полученное в наследство от современности. Включение игрового элемента спасает религию от влияния, нивелирует серьезность такого образования как «религия власти».

Интегрированность религиозной проблематики во все сферы современной жизни человека: науку, образование, экономику, политику, – может быть осмыслена еще и с позиции эволюционных изменений самой религии [15]. Религиозность как состояние чувствительности общества и индивида каждого в отдельности к отношениям, формирую-

щим рамки морали, нравственности, ценностных установок – создает новое измерение религии – среды гуманитарного присутствия во всем спектре познавательных практик человека. «В основе мышления лежит различие. ...Мысль есть поле очень контрастного различия... Язык есть кульминация контрастности» [4, с. 98]. Стили языков описания, а с ними экономические или политические метафоры, оснащенные религиозной лексикой, становятся новым способом демонстрации возможности взглянуть на отношения между религией и экономикой, религией и политикой, человеком и обществом.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
2. Аригин Е. И. Религия, философия религии и «глокальное религиозоведение»: между «экзотикой», «совестью» и «профессионализмом» (к дискуссиям на Конгрессах российских исследователей религии) // Вопросы философии. 2017. № 4. – С. 25–36.
3. Боголюбов Н. М. Философия религии. Ч. 1., историческая. Т. 1. – Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира акц. о-ва и изд. Дела Н. Т. Корчак-Новицкого, 1915. – 454 с.
4. Дугин А. Г. В поисках темного Логоса: философско-богословские очерки. Академический Проект, 2014 – 516 с.
5. Зизилуас И. Общение и инаковость. Новые очерки о личности и церкви / Пер. с англ. (Серия «Современное богословие»). – М.: Издательство ББИ, 2012. – 407 с.
6. Йоэль Р. Реза Негарестани: гусь на лоне воды // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре – 2019. – № 4. – С. 12–23.
7. Кюннг Г. Церковь / Пер. с нем. (Серия «Современное богословие»). – М.: Издательство ББИ, 2012. – 677 с.
8. Моррис Т. Наша идея Бога. Введение в философское богословие / Пер. с англ. – М.: Издательство ББИ, 2011. – 201 с.
9. Мольтман Ю. Дух жизни. Целостная пневматология / (Серия «Современное богословие»). – М.: Издательство ББИ, 2017. – 389 с.
10. Мюррей М., Рей М. Введение в философию религии. Пер. с англ. (Серия «Богословие и наука»). М.: Бби св. апостола Андрея. 2010. – 410 с.
11. Пивоваров Д. В. Социоцентрические религии: [моногр.]. – Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2015. – 140 с.
12. Пэттистон Дж. Размышления о Боге в век технологий. Пер. с англ. (Серия «Богословие и наука»). М.: ББИ. 2011. – 462 с.
13. Талиаферро Ч. Проект естественного богословия // Новое естественное богословие под редакцией Уильяма Крейга и Джеймса Морленда. М., 2014. С. 1–26;
14. Шохин В. К. «Философия религии»: становление авторефлексии // Философия религии: Альманах 2008-2009 / Отв. ред. В. К. Шохин / Ин-т философии РАН. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 528 с.
15. Dennett D. C., Plantinga A. Science and Religion: are they compatible? – New York: Oxford University Press, 2011. – 96 p.
16. Sharmaa Nidhi, Singh Reetesh K. Wokplace Spirituality and Organizational Effectiveness: Exploration of Relationship and Moderators // Journal of Management, Spirituality & Religion, Volume 18, Number 1, February 2021, pp. 15–34 (20) DOI: <https://doi.org/10.1080/14766086.2020.1829011>.

References

1. Anderson, B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni natsionalizm* [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. M.: Kuchkovo field, 416 p. (In Russ.).
2. Arinin, E. I. (2017) [Religion, philosophy of religion and «glocal religious studies»: between «exotic», «conscience» and «professionalism»]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 4. (In Russ.).
3. Bogolyubov, N. M. (1915) *Filosofiya religii* [Philosophy of religion]. Kiev: University of St. Vladimir Akts. Islands and ed. Cases N. T. Korchak-Novitsky, 1915. (In Russ.).

4. Dugin, A. G. (2014) *V poiskah temnogo Logosa: filosofsko-bogoslovskie ocherki* [In search of the dark Logos: philosophical and theological essays]. Academic project, 516 p. (In Russ.).
5. Ziziluas, I. (2012) *Obshchenie i inakovost'. Novye ocherki o lichnosti i cerkvi* [Communication and otherness. New essays on personality and church]. M.: Publ.house BBI, 407 p. (In Russ., transl.from Engl.).
6. Joel', R. (2019) [Reza Negarestani: a goose in the bosom of water]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency reserve. Debates on Politics and Culture]. Vol. 4, pp. 12–23. (In Russ.).
7. Kyung, G. (2012) *Cerkov'* [Church]. M.: Publ. house BBI, 677 p. (In Russ., transl. from German).
8. Morris T. (2011) *Nasha ideya Boga. Vvedenie v filosofskoe bogoslovie* [Our idea of God. Introduction to philosophical theology]. M.: Publ. house BBI, 201 p. (In Russ., transl from Engl.).
9. Mol'tman, Yu. (2017) *Duh zhizni. Celostnaya pnevmatologiya* [Holistic pneumatology]. M.: Publ.house BBI, 389 p. (In Russ.).
10. Myurrej, M., Rej, M. (2010) *Vvedenie v filosofiyu religii* [Introduction to the philosophy of religion]. M.: Bbi St. the apostle Andrew. 410 p. (In Russ., transl.from Engl.).
11. Pivovarov, D. V. (2015) *Sociocentricheskie religii* [Sociocentric religions]. Ekaterinburg: Publish.house Ural un-ta, 140 p. (In Russ.).
12. Pettison, Dzh. (2011) *Razmyshleniya o Boge v vek tekhnologij* [Reflections on God in the age of technology]. M.: BBI, 462 p. (In Russ., transl from Engl.).
13. Taliaferro, Ch. (2014) [Project of Natural Theology]. *Novoe estestvennoe bogoslovie pod redakciej Uil'yama Krejga i Dzhejmsa Morlenda* [New Natural Theology edited by William Craig and James Moreland]. M., 2014. S. 1–26. (In Russ.).
14. Shohin, V. K. (2010) [Philosophy of Religion: the formation of self-reflection]. *Yazyki slavyanskikh kul'tur* [Languages of Slavic cultures]. 528 p. (In Russ.).
15. Dennett, D. C., Plantinga, A. (2011) *Science and Religion: are they compatible?* New York: Oxford University Press. 82 p. (In Eng.).
16. Sharmaa, Nidhi, Singh, Reetesh K. (2021) Workplace Spirituality and Organizational Effectiveness: Exploration of Relationship and Moderators. *Journal of Management, Spirituality & Religion*. Vo. 18, № 1, February 2021, pp. 15–34 (20). (In Eng.).

Информация об авторе:

Ольга Михайловна Фархитдинова, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания (секция религиоведение) департамента философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8459-0711, **Researcher ID:** C-7083-2017, **Scopus Author ID:** 57209507257
e-mail: ofarhetdin@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 27.05.2021; принята в печать: 02.08.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Olga Mikhailovna Farkhitdinova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge (Section Religious Studies) of the Department of Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8459-0711, **Researcher ID:** C-7083-2017, **Scopus Author ID:** 57209507257
e-mail: ofarhetdin@mail.ru

The paper was submitted: 27.05.2021.

Accepted for publication: 02.08.2021.

The author has read and approved the final manuscript.